

Андрей Дмитриев

Наша дань ее величеству

Узнал новый и отличный сорт отечественного пива. Только успел пристраститься к нему, всего полгода прошло – и вот его уже невозможно пить: бурда. То же и с водкой. То же, простите, и с сосисками. И пусть не я, а старые автомобилисты расскажут, чем отличается «копейка» от «калины». На моей памяти мы никогда не умели держать качество. Уж насколько, казалось, ему некуда было падать в советские времена – а и тогда умудрялось упасть. И до того всех это раздражало, что в 1967 году был введен специальный «Знак качества СССР». Министерства присваивали этот знак лучшим, по их мнению, товарам своего профиля – не навсегда, а сроком на два года, чтобы производители этих товаров не расслаблялись. Чему-то присваивали, кого-то премировали, но мало кого этой нашлапкой могли убедить. Качество было низким и продолжало падать еще ниже. Это было и не качество вовсе – слово, применимое, казалось, только к импорту...

А между тем в ту пору был и подлинный, народный, значит, точный знак качества своей родной продукции. И этот знак признавала вся страна, от Бреста до Владивостока. В двух словах, пусть и неуклюже, его можно назвать «Английская королева». Уже в далеком псковском детстве я впервые услышал, что моих любимых солено-сушеных снетков Псков поставляет к столу ее величества – и гордился этим. Рижане убеждали меня в том, что английская королева ест их знаменитый хлеб. В Юрмале, от Риги неподалеку, бармен советовал мне выпить тминного ликера: его ведь регулярно шлют английской королеве. Литовцы уверяли меня в том, что английская королева пьет их биржайское темное пиво. В глухом карельском городке меня уговари-

вали попробовать сигареты «Памир» производства местной табачной фабрики, такие, не поверишь, вкусные, что их прямо из тайги регулярно доставляют специальным самолетом самой английской королеве. Узбекские аспиранты моего отца везли ему в подарок зеленый чай № 95, учили меня правильно заваривать его и приговаривали: «Самый хороший чай. Не всякий, только № 95. Ай, как его любит английская королева». Летом 1983 года на прилавках Владивостока не было ничего, даже мороженой рыбы. Но в каждой столовке подавали таежный папоротник. Я ел его впервые, и мой приятель наставлял меня: «Ешь, ешь его как можно больше. Он не только вкусный, он такой полезный, что его заказывает нам сама английская королева». Вся очередь за водкой в Мценске поздравляла меня с тем, что я в эту очередь встал: а как же, ведь «Пшеничной» мценского разлива поят саму английскую королеву... К слову сказать, превосходные копченые «микояновские» сосиски, производимые для партаппарата, народ с ее величеством не связывал. Распределителей, где «микояновские» выдавали, было мало, а аппаратчиков так много, что английской королеве этих сосисок, должно быть, просто не хватало. Я точно не могу припомнить, что подносили королеве Англии жители Горького, Саратова и Волгограда, Череповца и Минска. Пусть они вспомнят и расскажут сами. Могу предположить, что Вологда дарила английскую королеву своими знаменитыми льняным кружевами, а Оренбург – пуховыми платками, но понапрасну врать не буду: я не бывал тогда ни в Вологде, ни в Оренбурге... Разумеется, чаще всего этот народный знак присваивался ликероводочным, табачным, реже – изделиям мясомолочной промышленности, и совсем редко – предметам одежды и домашнего обихода. И дивный теплый образ английской королевы – Елизаветы или королевы-матери, неважно, – соткался понемногу в моем воображении. Вот наливает она мценской. Выпив и крякнув, лакирует мценскую биржайским или чебоксарским темным (ну, хорошо: калужским светлым) пивом и, закусив пивко горстью сушеных снетков, закуривает свою любимую сигарету без фильтра. Покуривает свой «Памир», попивает зеленый чай № 95 и размышляет о загадочной душе своих далеких советских подданных.

А ведь и есть о чем поразмышлять. Я в точности, да и вообще не знаю, что ей мы поставляли в самом деле, что – лишь в воображении. Возможно, вологодское кружево. То есть скорее всего. Возможно, оренбургские платки и даже «микояновские» сосиски. Но вряд ли мценскую или какую-то иную водку. Вряд ли сметков. И вряд ли дешевый «Памир». Другое дело, что в том затерянном в тайге карельском городке в ту пору ничего лучше «Памира» для людей не производили. И жители городка гордились своим «Памиром». Потому что жителям любого городка необходимо гордиться хоть каким-нибудь делом своего городка. Речь не о танках и ракетах. Речь о таком деле своих рук, результаты которого всегда смогут попробовать на зуб, примерить и пощупать, и похлопать, и оценить по всем другим достоинствам жители всех прочих городков, того же Мценска или того же Лондона, к примеру. В борениях и суете последних лет ее величество изволили как-то незаметно удалиться. Тот знак давно забыт; я думаю, что изобилие тому причиной. Но по большому счету и по большей части все, что есть в этом изобилии необходимого и качественного, – создание не нашего ума и дело не наших рук. И это нас гнетет. Нам выедает души невозможность вообразить себя за ноутбуком, скажем, «Школьник», допустим, популярном во всем мире, с мобильным телефоном, «Неваляшка», скажем, сработанном в Опочке, – еще труднее нам представить с этим «Неваляшкой», который, как мы знаем, никогда не будет нами создан, студента Кембриджа и даже бедуина на верблюде. И потому мы злы. И на себя, и на весь мир. Одной литературой и балетом держимся, но тех, кто держится, становится все меньше. Пока наша завистливая злоба не выжгла нас дотла и не обрушилась на вашу голову – Вернитесь, Ваше Величество.

Москва

